

Артём Северный

Казенное время, мирные ночи

Артем Северный

Казенное время, мирные ночи

<https://litres.ru/74410323>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Казенное время, мирные ночи» — это глубокая психологическая повесть о поиске надежды и человеческого тепла внутри бездушной военной системы. Короткое двухдневное увольнение вырывает молодого рядового из-под ледящего контроля педантичного полковника в июльский Санкт-Петербург. В декорациях призрачных белых ночей он случайно встречает официантку Асю — хрупкую девушку, потерявшую дом из-за обстрелов. Эта встреча двух одиночеств посреди равнодушного мегаполиса возвращает им обоим веру в будущее и силы жить дальше.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Артем Северный

Казенное время, мирные ночи

Глава 1

Жизнь в четырех стенах продовольственной канцелярии текла лениво и размеренно, бесконечно далеко от окопов и плаца. Единственным живым пятном в этом царстве бумажной пыли и изнывающих от скуки прапорщиков был сержант Дмитрий — мой земляк, который умудрился выйти сухим из армейских жерновов. Система не пережевала его; напротив, в штабе Дима чувствовал себя как дома. Из-за завидного аппетита и малоподвижного ремесла сержант со временем округлился до состояния идеального, глянцевого шара. Этот шар, вопреки законам физики, обладал мощнейшим гравитационным полем — он притягивал к себе людей. Дмитрий был главным сплетником и душой части. Стоило его круглой фигуре появиться в дверях, как серое, унылое здание штаба мгновенно оживало. Из душных кабинетов наружу, словно улитки на свет, выползали хмурые офицеры. Стоило Диме завести очередной сочный, неспешный рассказ, как все они мгновенно увязали в этой паутине гарнизонных ново-

стей, забыв про отчеты.

Рядом с ним, за соседним столом, вечно сидел ефрейтор Виктор — его полная противоположность. В пустых глазах Виктора, растерявшего по дороге квинтэссенцию своей личной философии, застыло такое мертвеещее, безвозвратное равнодушие, что на его фоне Дима казался настоящим извержением вулкана. — Ты ведомости-то не прячь, — благодушно жужжал Дмитрий, отправляя в рот очередную сушку. — Вот вернется Сам из командировки, проверит каждый хвостик у цифры «девять». Ты про полковника нашего слышал? Познакомиться с хозяином этой конторы мне довелось лишь через пару месяцев, но душное, осязаемое напряжение я почувствовал задолго до того, как он переступил порог.

Полковник был кадровым военным — высоким, статным, хотя годы уже осторожно, но неотвратимо брали свое. Его главным пунктиком, граничащим с безумием, была болезненная педантичность. Он органически не переносил грязи — ни в документах, ни на сапогах. Сам полковник всегда выглядел так, словно только что сошел с обложки уставного журнала, и того же свирепо требовал от подчиненных. В день его возвращения стены штаба словно сжались в страхе. Шаги полковника в коридоре — чеканные, тяжелые — заставили Диму мгновенно спрятать сушки в ящик стола и выпрямиться так, что его округлый силуэт на секунду попытался стать плоским. Дверь кабинета распахнулась. Полковник вошел, и воздух в канцелярии застыл, став густым и холодным.

Его ледяной взгляд скользнул по идеальным рядам папок на полках, задержался на наглухо затертом линолеуме и, наконец, остановился на мне — новом винтике в его безупречно чистой машине.

Доклад затянулся на вечность, хотя длился от силы пару минут. Полковник сидел за монументальным дубовым столом, на котором не было ни единой лишней соринки — папки лежали строго параллельно краю, а карандаши были отточены так остро, что ими можно было резать бумагу. — Рядовой... — полковник сделал паузу, медленно, с легким шуршанием перелистывая мое личное дело. Голос его звучным баритоном разрезал мертвую тишину кабинета. — Значит, назначены в продовольственную канцелярию. Из прибывшего пополнения. — Так точно, товарищ полковник! — отчеканил я, стараясь не смотреть на идеальную стрелку его выглаженных брюк. Он поднял на меня взгляд. Глаза у полковника были цепкие, холодные, выцветшие от времени, но не потерявшие своей пугающей пронизательности. Он медленно встал, подошел ко мне вплотную, и в нос ударил резкий запах дорогого одеколона, смешанный со стойким ароматом уставной кожи. Полковник заложил руки за спину и начал медленный обход, словно выискивая на моей форме малейший изъян. — Бумаги, рядовой, — это лицо части, — тихо, почти ласково произнес он, остановившись у меня за спиной. — На фронте порядок в ведомостях спасает жизни не хуже бронжилета. Неправильная цифра в отчете — и батальон остался

без сухпайка. Вы это понимаете?— Так точно, понимаю.— Очень надеюсь, — он снова сел за стол, и его палец требовательно постучал по чистой лакированной поверхности. — Я не терплю небрежности. Грязный воротничок, клякса в журнале, опоздание на минуту — для меня это признаки морального разложения. Сержант Дмитрий ввел вас в курс дела?— Вводит, товарищ полковник. Изучаю продовольственные аттестаты полка. Полковник тонко, едва заметно усмехнулся углом губ — видимо, прекрасно зная, какими именно методами Дмитрий «вводит в курс дела» между поеданием сушек и сбором гарнизонных сплетен.— Дмитрий исполнительен, но излишне... широк. И в талии, и в отношении к уставу. Не перенимайте его привычек, рядовой. Свободны. Сдайте ведомости за прошлый квартал к семнадцати ноль-ноль. Лично мне.— Есть, — я развернулся через левое плечо, чувствуя, как между лопаток до сих пор горит его ледяной, сканирующий взгляд. Выйдя в коридор, я шумно выдохнул. У дверей меня уже поджидал Дмитрий, чей круглый силуэт нервно переминался с ноги на ногу.— Ну что? — шепотом спросил сержант, косясь на закрытую дверь кабинета.— Живой? Про «девятки» мои ничего не спрашивал?

Увольнительную записку полковник подписывал долго, с той же мучительной, выверенной педантичностью. Его перьевая ручка скользила по бумаге с тихим, зловещим шуршанием. Когда заветный бланк с фиолетовым штампом наконец оказался в моих руках, мне показалось, что я держу

в пальцах пропуск в другую вселенную. На КПП дежурный офицер лениво сверил фотографию в военном билете с моим лицом, кивнул и нажал кнопку. Тяжелая железная калитка со скрежетом отворилась, выпуская меня наружу. Я сделал первый шаг за ворота части, и за спиной глухо захлопнулась ловушка казенного мира. Два дня. Всего двое суток, вырванных у месяцев неволи. Накатившее чувство свободы было настолько острым, что на секунду закружилась голова. Но почти сразу, откуда-то из глубины сознания, выполз липкий, ядовитый страх грядущего возвращения. Этот страх всегда преследовал солдат в увольнении — он сидел внутри, как тикающий часовой механизм, напоминая, что каждая минута на воле приближает тебя обратно к казарме, вечерней поверке и мертвенно-синему свету ночных ламп. Но я заставил себя выдохнуть и зашагал к автобусной остановке. Нужно было бежать от этих стен как можно дальше. Июльский Питер оглушил меня с первых же секунд, стоило мне выйти из метро в центре города. После стерильной, пугающей тишины штаба и однообразного гула казармы, город показался безумным, бурлящим котлом. Стояли знаменитые белые ночи — странное, колдовское время, когда вечер незаметно перетекает в утро, минуя темноту, а сам город напрочь отказывается спать. Воздух был густым, теплым и манящим, он пах нагретым асфальтом, речной прохладой Невы и ароматами сотен открытых кафе. На залитых призрачным, перламутровым светом проспектах кипела жизнь. Здесь ничто,

абсолютно ничто не напоминало о том, что где-то идет война, а люди в серых шинелях часами стоят на плацу.

Прохожие шумно смеялись, спорили из-за пустяков, целовались у мостов и погружались в свои мирные, приземленные бытовые заботы. В этой чужой, но такой желанной рутине было невыносимо легко раствориться. Я шел по Невскому, чувствуя себя невидимкой, пришельцем из параллельного, сурового мира. Голод и легкая усталость вели меня вперед, пока взгляд не зацепился за вывеску полупустого ночного ресторана. Окна манили мягким светом, и я толкнул тяжелую стеклянную дверь, еще не зная, что за ней меня ждет Ася. Дверь ресторана закрылась за моей спиной, отсекая многоголосый гул Невского проспекта. Внутри царил приятный, обволакивающий полумрак. Смена явно подходила к концу: массивный зал почти полностью опустел, стулья на дальних рядах уже были аккуратно перевернуты ножками вверх, а в воздухе слабо пахло терпким кофейным жмыхом и дорогой мастикой для паркета. Я сел за угловой столик у окна, чувствуя себя невероятно чужим в своей чистой, наглухо застегнутой военной форме среди этого мирного, сонного уюта. — Доброй ночи. Выбрали что-нибудь? — раздался тихий, немного уставший голос.

Я поднял глаза. Возле столика стояла девушка в строгом фартуке официантки. На вид ей было чуть за двадцать — хрупкая, с тонкими запястьями и завязанными в небрежный узел темно-каштановыми волосами. Но больше всего меня

поразил её взгляд. В её глазах не было той привычной питерской безмятежности или кокетства, которые я видел у прохожих на улице. В них читалась глубокая, затаенная тревога и какое-то странное, взрослое безвременье — так смотрят люди, которые слишком рано узнали, как в один миг рушится привычный мир.— Просто кофе. Черный, если можно, — ответил я, невольно смягчая голос. Она кивнула, задерживая на мне ответный взгляд — видимо, тоже безошибочно считав во мне человека не здешнего, вырванного из совершенно другой, суровой реальности. Когда она вернулась с дымящейся чашкой, я не удержался и заговорил первым. Слово за словом, банальная вежливость переросла в неспешный, удивительно легкий разговор. Зал окончательно опустел, часы на стене отсчитывали минуты её закончившейся смены, а мы всё никак не могли наговориться, словно два одиноких корабля, случайно пришвартовавшихся к одному причалу в шторм.

Ася — так её звали — открывала мне свою историю неохотно, короткими, рублеными фразами, но за ними скрывалась настоящая катастрофа. Ей пришлось бросить всё. Родной дом, друзей, вещи, прошлые надежды — и бежать из родных мест. Обстрелы, разрывающие ночную тишину, постоянный, липкий страх за собственную жизнь и полное непонимание того, что принесет завтрашний день, просто не оставили ей выбора.— Питер красивый, — тихо произнесла она, глядя в окно на призрачный свет белой ночи. — Но он

глух к чужой беде. Огромный, холодный и абсолютно равнодушный. Она приехала сюда, надеясь спастись от ужаса, но новый город встретил её ледяным спокойствием, спрятав от мира за мрачными, неуютными стенами дряхлого бывшего доходного дома, превращенного в многолюдную коммуналку для бедняков. — Давай я тебя провожу, — сказал я, когда она сняла фартук. — Нам по пути. Мне в этом городе тоже пока одиноко. Ася посмотрела на меня, секунду колебалась, а затем едва заметно, но искренне улыбнулась. Это была первая живая улыбка, которую я увидел за последние месяцы, и ради нее стоило пережить и мертвенный свет казармы, и ледяной взгляд полковника. Путь до Асиного дома стал самым тихим и странным часом за всё мое увольнение.

Город вокруг постепенно затихал, укутываясь в сизый саван белой ночи. Величественные фасады старых зданий в этом призрачном полусвете казались декорациями к спектаклю, который давно закончился, но актеры забыли разойтись. Мы шли по набережной, и шаги наши гулко отдавались от гранитных плит. Ася шла чуть впереди, зябко поводя тонкими плечами, несмотря на тепло июльского воздуха. Она почти ничего не говорила, но в этом молчании уже не было прежней отчужденности. Наконец мы свернули в глухой, темный переулок, где пахло сыростью и старым камнем. Ася остановилась у тяжелой деревянной двери с облупившейся краской — входа в некогда роскошный, а теперь дряхлый доходный дом. — Ну вот, я пришла, — тихо сказала она, по-

вернувшись ко мне. В полумраке подворотни её глаза казались огромными и глубокими. — Спасибо, что проводил. В этом городе... мне впервые за долгое время было не страшно. — Мне тоже, Ася, — искренне ответил я. Она едва заметно улыбнулась, скользнула внутрь, и тяжелая дверь хлопнулась, оставив меня одного на пустынной улице. Я посмотрел на часы. Стрелки неумолимо приближались к утру. Мое время стремительно таяло, как лед под летним солнцем. Волшебство питерской ночи рассеивалось, уступая место суровой реальности. Где-то там, на другом конце города, затаилась моя воинская часть. Там меня ждали ровные ряды двухъярусных коек, натянутые до звона синие покрывала, вёдливый сержант Дмитрий и ледяной, сканирующий взгляд полковника, требующий идеальных отчетов к назначенному часу.

Страх возвращения снова зашевелился внутри липким комком. Но теперь, шагая в сторону метро по просыпающимся улицам, я чувствовал странное, новое для себя тепло. Жернова армейской системы, ломающие и деформирующие человеческие характеры, больше не казались мне всеисильными. В этой огромной, равнодушной машине появилось то, ради чего стоило терпеть казенную рутину и мертвенный свет ночных ламп. У меня появилось то, к чему я обязательно должен был вернуться. Первая глава моей новой, непредвиденной жизни была окончена, но самое главное испытание ждало впереди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.